

МИХАИЛ ЛОЩИЦ

ИЗ ЗАПИСОК ВОЕННОГО ЖУРНАЛИСТА

Михаил Федорович Лощиц, мой отец, автор предлагаемых вниманию нескольких документальных сюжетов, называл свои весьма нерегулярные записки дневником. Но попытки их более последовательного ведения ему все же удавались лишь изредка. И понятно почему. Рабочее расписание одного из руководителей ведущей военной газеты страны (с 60-го по 69-й год он, в звании полковника, был заместителем главного редактора ежедневной “Красной звезды”, а далее, уже в чине генерал-майора, стал, вплоть до 79-го, и первым заместителем главного) не позволяло надолго отвлекаться от информационного натиска событий — с каждым очередным днем, часом, минутой. Изменять такому графику позволяли разве лишь недомогания. Отсюда и шутка с долей грусти: “Этот дневник можно будет назвать “от болезни к болезни”. Но всё же очень хотелось, — какой журналист не поймёт, — оставить не только выступления на полосах любимой газеты, но что-то ещё и “для себя”: то в облике живой внутриредакционной сценки, то в виде всколыхнувшего память воинского эпизода, то прибавлением острого штриха к легендарному характеру. Или — в предельно скупом изложении чрезвычайного события, с последующим бессонным журналистским бдением.

В нынешнем октябре моему отцу исполнилось бы 100 лет. До своего юбилея и до столетия Революции, ровесником которой он себя искренне числил, дожить ему не хватило всего двух лет. Но в последние годы он всё реже вспоминал про это неслучайное для его судьбы совпадение дат. Он перестал слушать радио. Всё реже поднимался, чтобы посмотреть вечернее “Время”. Когда я приносил к его журнальному столику свежий номер “Красной звезды”, он, если различал на странице чью-то фотографию в черной окантовке, просил меня уточнить, кто там. В его молчании, оскорбленном тем, что происходит в стране, проступала для меня какая-то особая красота. Как-то, лёжа с закрытыми глазами, он вдруг стал рассказывать, что до сих пор помнит азбуку Морзе, которую запомнил, учась ещё в сельской семилетке, чтобы подрабатывать после смерти отца на станционном телеграфе. Взял мою руку, положил себе на грудь и простучал по ней указательным пальцем несколько знаков. Длинные сменялись короткими и наоборот. “Знаешь, что я написал?.. Юра, ты где?”

Юрий Лощиц

5 октября 1963 г.

Завтра неделя, как лежу с ангиной. Причем казалось, что она уже удолетворилась и оставила меня, но вчера вечером всё началось сначала — опять боль в горле, опять температура и озноб. Болеет половина редакции. Поликлиника и госпиталь в недоумении — откуда такая внезапная вспышка и в таком, казалось бы, благополучном месте?

Ищут причину даже в банкете, который был у нас неделю назад и после которого народ стал выбывать из строя. Я тоже был на этом вечере, правда, пришёл на него не сразу, а после окончания работы над номером. Вечер этот не представлял собой ничего особенного, если не считать того, что на нем был космонавт-2 Герман Степанович Титов. Появление этого гостя было неожиданным — накануне он весьма неопределенно пообещал заглянуть в редакцию, — но тому обещанию должного значения не придали. И вот получился казус: в разгар вечера в вестибюле редакции появляется невысокого роста парень в сером помятом костюмчике, в стареньких нечищенных ботинках, в расстёгнутой, черного цвета, грубошерстной рубашке; молодой человек устремляется вверх по лестнице, а редакционный вахтёр властным голосом останавливает его и, что называется, “не пускает”, считая, что его дурачат, пытаясь выдать какого-то прощелыгу за космонавта Титова.

Тем временем гостя нашего всё больше разбирала злость, и когда сверху прибежали уладить “инцидент”, он заявил: “Нет, друзья, теперь я не пойду. Титову везде рады, только в “Красной звезде” захлопывают перед ним дверь”. Не знаю, чем бы кончилось всё, если бы наши девчата не подхватили космонавта под руки и не увлекли за собой.

Я подошёл к тому времени, когда страсти улеглись, и о происшествии было забыто. Надо сказать, что Титов был заводилой и душой вечера. Удачно декламировал Пушкина и Маяковского, наизусть читал басни и юмористические рассказы. Порой казалось, что он неистощим. Это находчивый, быстрый на мысль человек. В то же время он знает себе цену, уверен в себе и даже несколько самоуверен, бесшабашен. Он быстро овладел аудиторией, девицы и дамы наперебой приглашали его на танец. Он танцевал, не со всеми, правда, но до тех пор, пока одна из дам не ухитрилась пролить ему на колени горячий кофе.

В этот вечер все поздравляли Титова с дочерью Таней. Она родилась несколько дней тому назад, — первое порождение космического человека. Герман Степанович в обиде на “Красную звезду”: все центральные газеты сообщили о рождении его дочери, только одна промолчала. Наши оправдания — прохлопали, мол, не уследили. Я подумал: а стоит ли человеку нажимать на эту свою обиду?

Мы пообещали установить круглосуточное дежурство и засвидетельствовать в газете момент возвращения жены и дочери космонавта домой. На этот раз не прозевали.

8 октября 1963 г.

Ангина хотя и прошла, но последствия ещё чувствуются. Пока сижу дома. Сегодня у меня музыкальный вечер. Прослушал Девятую симфонию Бетховена. Какой это великан! Диву даешься, как это один человек мог воплощать в себе столько красоты и вдохновения. Только великий и талантливый народ мог выдвинуть из своей среды такого гения. И этот народ — немцы.

Не знаю, как возникла столь неожиданная ассоциация, но почему-то вспомнилась война, вернее, не война, а её маленький кусочек, даже не кусочек, а самая маленькая точка... Было это в 1943 году, 13 января. Наши войска под Ленинградом форсировали Неву и устремились навстречу Волховскому фронту, чтобы общими силами пробить брешь в кольце осады. Бои начались утром 12 января, а через сутки наша 123 сд., овладев рощей “Мак”, продвинулась уже на 6-7 километров. И вот свидетелем чего стал я в этой самой роще “Мак”. Шли мы лесом, потом деревья расступились, перед нами открылась небольшая поляна. Поляне этой, на которой, кстати, находилось немало вражеских землянок, суждено было стать местом и свидетелем жестокой схватки наших бойцов с гитлеровцами. Трупы в зелёных и серых шинелях валялись вперемешку. Особенно много их было в небольшой выемке, занесённой, как и всё кругом, снегом: то ли здесь землянку начали когда-то рыть и бросили, то ли ещё что. В центре этого страшного нагромождения

трупов лежали, вцепившись друг в друга, наш солдат и немец. Они сцепились намертво, и их не так просто было разъединить. В моей голове возникло тогда невероятное предположение: жизнь покинула этих двоих раньше, чем ненависть; жизнь ушла, а ненависть осталась. Их соединенные в мертвой хватке тела были лучшим свидетельством этой ненависти. А вот новая деталь страшной картины. Чуть в стороне от скопища трупов ещё один необычный мертвец. На пеньке от спиленного дерева – немецкий пулемёт, за пулемётом, стоя на коленях, немец в очках. Руки его – на рычагах пулемета, голова стоит прямо и обращена туда, где те двое, в окружении многих других. Неужели это он покосил и чужих, и своих, и тех двоих, которые, лишившись оружия, бросили на чашу весов силу своих тел, своих мускулов? Мёртвый, окаменевший на январском морозе гитлеровский пулемётчик казался живым; представлялось, что его пулемёт вот-вот снова заработает и захлебнется диким воем. Но он был уже безопасен. Кто-то заметил и обезвредил пулемётчика в очках.

А сколько таких было в рядах гитлеровской армии! Такую армию нелегко было одолеть. Я далёк от того, чтобы преклоняться перед силой духа немецких солдат, но никогда не соглашусь и с теми, кто впадает в другую крайность. Эта нация выдвинула внушительнейшую военную силу, которая даже в условиях захватнической войны, в условиях погасших надежд, а затем и крупнейших поражений, – до конца сохраняла боевую способность и дисциплину.

Вспоминаю 8 мая 1945 года – последний день боев в Курляндии, где была окружена крупная группировка вражеских войск. Мы знали уже о том, что в Германии всё кончено, что армия Гитлера капитулировала. У нас же, под Тукумсом и Либавой, всё еще гремела война. Войска наступали, авиация большими группами пересекала линию фронта и устремлялась куда-то дальше. Дело клонилось к вечеру. У людей стали сдавать нервы – как же так, в Берлине уже мир, а в Курляндии им и не пахнет. К переднему краю выехала наша звуковещательная станция – немцам стали растолковывать, что к чему. В ответ – минометный обстрел, станция загорается и замолкает. Меня с командиром полка Никулиным вызывают в штаб дивизии, и наш 103 сп., находящийся во втором эшелоне, получает приказ продолжать ночью наступление в первом эшелоне.

Мы слушали приказ, а сами невольно думали о другом: война кончилась, а нам наступать – как это дико и невероятно. На фронте все мы свыклились с опасностью и менее всего думали о том, что могут тебя убить или ранить, а вот сейчас, когда там всё кончено, а нам идти в бой, появлялись невеселые мысли и предчувствия. Вспоминалась семья, которая столько ждала тебя, а тут всё может обернуться так глупо и нелепо в последнюю ночь.

Но когда мы пришли обратно в полк, начальник штаба майор Н. Н. Спиридонов встретил нас докладом о том, что немцы по всей линии фронта выбросили белые флаги. В это время солнце бросало свои последние взгляды на землю. Кругом стояла необычная тишина. По большаку в направлении переднего края двигались легковые машины командира корпуса генерала Мартынчука и командира дивизии Кожевникова. А еще через несколько минут появилась первая колонна военнопленных. Они шли, сохраняя равнение и в ногу, не было видно ни одного отставшего. Признаться, я надеялся увидеть побеждённых в другом виде.

Слушая Бетховена, я почему-то вспомнил обо всем этом, а вспомнив, не мог удержаться, чтобы не излить душу.

2 сентября 1966 г.

Опять слишком большой перерыв в ведении дневника... Только что я опять – в какой уже раз – просматривал паспорт своего отца, хранившийся ранее у Коли в Мардаровке и пересланный на дальнейшее хранение мне. Раньше я и не догадывался о существовании этого документа и многого не знал о своих родителях. Теперь пробел можно восполнить. Отец мой Лошиц Федор Константинович родился 1 марта 1866 года – в нынешнем году исполнилось 100 лет со дня его рождения, – в деревне Журово Слуцкой волости Слуцкого уезда Минской губернии. Военную службу проходил в 61-м пехотном Владимирском полку с 27 ноября 1887 года по 20 августа 1891 года старшим писарем. Военный билет выдан ему в Белостоке, там, надо думать, дислоцировался и 61-й пехотный полк. Умер отец 19 января 1929 года в Мардаровке.

В документах нет точной даты рождения моей матери, но в двух местах есть упоминание о её возрасте. В 1911 году, когда выдавался отцу паспорт, ей был 31 год, в паспорте эта запись почему-то поправлена красными чернилами на “30”. Из других записей следует, что в 1904 году ей было 24 года. Следовательно, можно считать, что мать родилась в 1880, либо в 1881 году, последняя дата кажется мне более вероятной, т. к. мать говорила мне, что отец был старше ее на 16 лет. В справке о смерти, а умерла мать 17 января 1940 года, указан её возраст 59 лет, что также совпадает с моими расчётами. Родилась мать в местечке Городница Новоградволинского уезда, в семье машиниста фарфорного завода. Моя мать ни одного дня не ходила в школу, писала она с превеликим трудом и самое необходимое. Например, “Рабушка атгуляла” или “Рабушка атилилась”. Читала зато мать довольно прилично, довольно часто просматривала газеты, следила за политикой. Это была умная, интеллигентная и совершенно обрусевшая за 16 лет жизни в Одессе женщина, и никто, кто знал ее, не мог и подумать, что она никогда и нигде не училась. Отец был образованный для своего времени человек, у него был хороший почерк, строгий и несколько замкнутый характер. Он был человеком строгих правил: не курил, не пил, не знал бранных слов, был образцовым семьянином, с великим уважением относился к матери. Я помню лишь одну размолвку между отцом и матерью, и причиной оказался обыкновенный бык, которого отец неосторожно оставил на ночь возле нашей Рябушки, наивно полагая, что он ни на шаг не отойдёт от неё. Утром мать с ужасом обнаружила во дворе и в огороде следы страшного самоуправства этого самого быка и бросилась на отца с первой попавшейся палкой. Но это, я утверждаю, был единственный за всю их жизнь случай, и мать, как я помню, весьма сожалела о происшедшем. Поженились они 14 октября 1901 года, обвенчались в Георгиевской приходской церкви м. Городницы, а через 10 месяцев, 12 августа 1902 года, там же в Городнице родился их первенец Александр, которому, однако, суждено было прожить всего без малого шесть лет. Он умер от скарлатины и похоронен в Одессе. Каким-то чудом сохранилась квитанция на крест стоимостью 40 коп., поставленный на его могилке.

В 1905 году 26 сентября родился ныне здравствующий Лоциц Николай, а 21 июня 1913 года еще один Александр, названный так в память о первом Саше, которого мать никак не могла забыть. Этого второго Сашу я отлично помню. Он был крупнее всех нас, отличался силой, смелостью, красотой, мечтал водить автомобили, которые тогда только-только появлялись в нашей Мардаровке. Этот силач и общий любимец сгорел через 30 дней после того, как заболел острейшим воспалением лёгких. Будь тогда пеницилин, этот парень и сейчас с высоко поднятой головой шагал бы по жизни, которую он так любил. Он умер в Мардаровке 4 октября 1931 года от туберкулёза лёгких, как сказано в свидетельстве о смерти, но никакого туберкулёза у него не было. У него была сила, позволявшая ему на полном скаку валить нашу кобылу Куклу, которая славилась крутым нравом и могла по месяцу блуждать вокруг Мардаровки, не заворачивая домой.

И отец, и мать, и брат Александр, рано ушедший от нас в 18 лет, похоронены рядышком, на кладбище в с. Перешоры, в 4-х километрах от Мардаровки. Не бывает года, чтобы я не побывал там и не поклонился этому дорогому для меня месту. Кладбище старое, в своё время с него растащили все деревянные кресты, и я даже не уверен, тем ли холмикам поклонюсь я всякий раз. Но в сущности, какое это имеет значение? Хорошо, что это место не забыто, пусть нет на нём дорогих памятников, пусть прах любимых нам людей находится точно под нами или в пяти-десяти метрах правее или левее от нас.

8 сентября 1967 г.

Позавчера в редакции был устроен просмотр небольшого, на 20–25 минут, фильма “От клинка до ракеты”. Речь там об одной ракетной части, которая ведёт свою родословную от конницы Будённого. И фильм весь построен на встрече маршала С. М. Будённого с ракетчиками. В редакцию были приглашены представители этой части, и в их числе очень симпатичный сержант Маштаков Александр Андреевич – один из участников фильма. Обещал приехать и С. М. Будённый. Но погода испортилась, старик почувствовал себя плохо и не приехал. Но прислал своего порученца – подполковника Колесникова Вас. Сидор., и тот передал собравшимся привет от маршала и принёс от его имени извинения.

На следующий день С. М. Будённый узнал о том, как прошла встреча с ракетчиками, как тепло говорили и о нём самом. Его это тронуло, и он позвонил в редакцию. Разговаривал с ним я. Это уже вторая наша телефонная беседа, и если первая (о ней я, кажется, писал) продолжалась 30 минут, то эта уже 40. Будённому сейчас 84 года, но говорит он бодрым, чётким голосом, не теряет нити разговора. Поражаешься его памяти, стремлению осветить затронутый вопрос до малейших деталей.

Когда я сказал Семёну Михайловичу, что фильм с его участием всем очень понравился, он стал говорить о том, что пора бы создать большой фильм о Конармии. Ходят слухи, заметил он, что такой фильм делают французы. Как бы не повторилась история с “Войной и миром” — сначала они, а потом уже мы. Дальше Будённый стал говорить о том, что Бабель, которого уж очень стали превозносить, искажил облик Конармии.

— Я его не знаю, этого Бабея, хотя он и выдает себя за конармейца. В одно время он, кажется, торговал газетами у нас. Произведения Бабея поддержал в свое время в печати и Максим Горький, после чего у меня с ним завязалась довольно откровенная, на высоких тонах, переписка, материалы её и сейчас находятся у меня. По Бабею выходило, что в Конармии служили преступники, сифилитики разные да проститутки. В его понимании конармеец — это какой-то садист. И вот я спрашиваю в своём письме А. М. Горького: как же вы, пролетарский писатель, могли положительно оценить такие писания, которыми возмущаются все, кто служил в Первой Конной армии? Вы, по-видимому, написали, не прочитав предварительно Бабея. А почему бы вам не делать так, как делал Лев Толстой, который, прежде чем выпустить что-либо в свет, по 5-6 раз возвращался к нему, заново осмысливал и даже переписывал. На это Горький ответил мне, что он Горький, а не Толстой. Я ему опять написал что-то ругательное.

О переписке с Горьким я рассказал как-то Сталину, попросил его высказать своё мнение. Сталин ответил, что я правильно ругаю М. Горького, но дело в том, что момент для этой перепалки не совсем подходящий: мы боремся за Горького, мы хотим, чтобы он всецело был на нашей стороне. Ну, а каково ему получать сейчас такие письма, да ещё от кого — от самого Будённого?

Я поразмыслил над тем, что сказал Иосиф Виссарионович, и решил не писать больше Горькому.

— Вы так и не нашли с ним общий язык? — поинтересовался я.

— Нет, почему же, мы встречались потом не раз и даже расцеловывались. Он извинился и сказал: давайте условимся не вести больше эту переписку, иначе найдётся какая-нибудь третья сила, которая воспользуется нашим спором. — Согласен, — ответил я. — Пусть рассудят нас историки.

Конармия была большой силой, и если бы в ней действительно служили всякие отбросы общества, как это изобразил Бабель, она не была бы такой, какой знали её мы и наши враги. Деникин в своих четырёх томах “Смута в России” писал, что он боялся Будённого и что Будённый его разбил. Я с Деникиным не согласен, хотя то, о чем он пишет, и лестно для меня. Не я один, а вся Конная Армия его разбила, а разбила потому, что у него под ногами земля горела, а Конармия лишь помогала, чтобы он быстрее сгорел. И не одна только Конармия его разбила, а весь наш народ, поднявшийся на борьбу за свободную жизнь. У нас армия была добровольной, а он силой вербовал своё войско. Конармия разбила в общей сложности 20 конных корпусов. Если в каждом корпусе 15 тысяч человек, то всего она разбила армию в 300 тысяч человек. Вот какая это была сила...

16 сентября 1968 г.

20 августа, в день физподготовки, с утра я играл в волейбол. К 12:00 был дома, не спеша собирался на работу. Но тут позвонила из редакции Любовь Васильевна и сказала, что меня просят позвонить в ЦК. Она дала телефон, и я тут же позвонил.

— Вы где сейчас находитесь? — был первый вопрос.

— Дома.

— Машина у вас есть?

— Она будет при необходимости через десять минут.

— Тогда немедленно приезжайте к товарищу Демичеву. Пропуск на вас заказан.

Вызываю машину, еду в редакцию (партбилет в сейфе) и мчусь в ЦК.

В приемной секретаря ЦК оказываюсь быстро. Помощник Демичева пошёл доложить о моём прибытии. Тут же он выходит и говорит, что придётся подождать, т. к. беседа с приглашёнными редакторами подходит к концу.

В это время подошёл ещё редактор “Комсомольской правды” Панкин. Дожидаемся своей очереди уже вдвоём.

Наконец, из кабинета П. Н. Демичева выходят завотдела пропаганды ЦК Степаков В. И., гл. редактор “Правды” Зимянин М. В., гл. редактор “Известий” Толкунов Л. И., знакомый мне по походу наших кораблей в Голландию в 1956 г., и ещё двое или трое незнакомых мне людей. Здравствуемся с ними, и тут же приглашают к тов. Демичеву.

Секретарь ЦК сидит за длинным столом с рядами стульев по бокам; встаёт, здоровается с каждым, приглашает садиться.

Тихим, настолько тихим, что приходится напрягать слух, чтобы услышать его, голосом он говорит:

– Сегодня ожидается ввод наших войск в Чехословакию. Сможет ли “Красная звезда” опубликовать в связи с этим документы, если придётся значительно задержаться с выпуском газеты? – спрашивает, обращаясь ко мне.

Я отвечаю, что это очевидно тот случай, когда надо пойти на любую задержку, и прошу уточнить, идёт ли речь о задержке ночного выпуска или и вечернего тоже.

– Это вам надо будет уточнить с товарищем Епишевым.

Далее говорит о том, что назавтра в “Правде” будет опубликована большая редакционная статья, в которой будет разъяснена необходимость этого шага, надо будет потом перепечатать её. Завтра будут проходить собрания, митинги трудящихся, надо будет освещать и их. Далее секретарь ЦК сказал, что “Комсомольская правда” выходит обычным порядком, не дожидаясь документов о вводе наших войск в Чехословакию.

– Эта информация предназначена только для вас, – предупредил Демичев, – только для редакторов. Поэтому подумайте, как объяснить задержку с выходом номера.

На вопрос, всё ли ясно, я ответил утвердительно, сказав, что придётся лишь уточнить, задерживать ли оба выпуска или только поздний, ночной.

Пётр Нилович тут же снял трубку, набрал номер и при нас стал разговаривать с начальником Главного политуправления генералом армии А. А. Епишевым.

– Товарищ Макеев в отпуске (на самом деле гл. редактор находился в гостевой поездке в Болгарии), у меня находится полковник, его заместитель. Мы хотели бы знать ваше мнение по поводу того, задерживать ли “Красную звезду” и если задерживать, то один выпуск или оба.

Алексей Алексеевич высказался за задержку всего тиража. Так и решили.

Уходя, я спросил ещё для уточнения: “Я понял так, Пётр Нилович, что эти сообщения мы должны ожидать во второй половине ночи”. Демичев ответил утвердительным кивком головы.

К 13:00 я был уже в редакции и не выходил из неё до 8 часов утра следующего дня.

В течение дня и ночи несколько раз звонили А. А. Епишев, В. И. Степаков, то и дело я перезванивался с генеральным директором ТАСС С. Лапиным, редактором “Известий” Толкуновым, контр-адмиралом Шелягом В. В., моим однокашником по академии генерал-майором Рябовым В. С. В эту ночь все находились на своих постах, никто из ответственных работников не уехал домой.

Через Вас. Вас. Шеляга я узнал, что войска находятся уже в движении, они перешли границу не то в 23:00 20.8, не то в 1:00 21.8, что все идет хорошо, а никаких сообщений ТАСС не передавал. Я спрашивал у тов. Лапина, какие новости, а он тот же вопрос задавал мне.

– Во всем мире царит удивительное спокойствие, нет никакого намека на какие-то события. Что они, – обращается он ко мне, – на цыпочках там ходят?

Этот разговор проходил уже под утро, через два-три часа после пересечения нашими войсками границы ЧССР.

Газета вышла, начала печататься в 7 часов утра. Получилось так, что тираж “Красной звезды” стал поступать раньше, чем тираж “Правды”, у которой произошла ещё какая-то задержка с выпуском. В начале восьмого мне позвонил

помощник Л. И. Брежнева тов. Александров и поинтересовался, как обстоит дело с газетой. Я сказал, что с 7:00 работают все машины, и газета экспедируется по городу.

Только после этого я вызвал машину и отправился домой. На моей памяти это второй случай сильной задержки с выходом газеты. Первый такой случай был в 1953 году в связи со смертью И. В. Сталина. Тогда мы начали печатать “Красную звезду” в одиннадцатом часу утра.

Дома я застал ещё Тамару, на работу ей в 9:00. Она накормила меня и уложила спать. Но сон был недолгим и тревожным. В 12 час. дня я был уже в редакции, в 13:00 мы провели собрание по случаю происшедшего.

Так что же все-таки произошло? Мы говорим, что это была контрреволюция, они даже теперь, когда там наши войска, этого слова не произносят и отвергают его.

Я не знаю, из каких соображений они это делают – то ли из тактических, в стремлении не оголять проблему сразу, а постепенно овладеть обстановкой, то ли из какой-то уверенности, что ничего страшного не было, и ввод войск – вещь ненужная.

Однако не требуется особой проницательности, чтобы сказать, что дело в Чехословакии явно шло к самому худшему – постепенному сползанию к старым буржуазным порядкам. Там действовал хорошо налаженный механизм и запрограммирован он был с учетом венгерского опыта: была сделана ставка на бескровную контрреволюцию. Органы печати вышли из-под всякого партийного контроля. Дошло до того, что “Руде право” объявила себя неподвластной ЦК, а армейская газета “Обрана лиду” самочинно изменила своё название и перестала считать себя органом Министерства обороны.

17 сентября 1968 г.

... Да, ещё несколько слов о Чехословакии. “Что они там на цыпочках ходят?” – спрашивал меня тов. Лапин. Да, в военном отношении операция была проведена безукоризненно. Это отмечает вся мировая пресса. А вот как рисует события того дня один чешский солдат: “В эту ночь стоял я дневальным. Через некоторое время меня сменил Иржик. Я лег отдохнуть, проспал часа два, встаю, иду подменить Иржика, но вместо Иржика вижу на посту Ивана. Он успел раньше меня”.